

Личность в археологии

(Об авторе книги от имени друзей и коллег)

Предпочел военным трофеям — победы,
приобретаемые в диспутах.

Пьер Абеляр

В начале 1992 г. в Ленинградском отделении Института археологии Академии наук СССР была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Руководили соискателем именитые советские ученые — доктор исторических наук П. А. Раппопорт и доктор исторических наук, профессор С. А. Плетнёва. Официальными оппонентами диссертанта выступили доктор исторических наук, профессор А. В. Гадло и кандидат исторических наук В. С. Флёров, также хорошо известные медиевисты. Автором работы под названием «Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII — начала XI веков н. э. (балкано-дунайская культура)» был 40-летний Владимир Иванович Козлов. Защита была ожидаемой; прошла гладко и не особенно заметно даже в масштабах одной академической структуры. За окнами на Дворцовую набережную бушевал ветер перемен, принеший городу на Неве прежнее величественное имя и в очередной раз сносивший (тогда еще неведомо к кому) богатства опозоренной великой державы.

Прошло почти четверть века. Скоро будет уже 14 лет с тех пор, как в сентябре 2001 г. «слишком рано и совершенно неожиданно» покинул этот мир младший научный сотрудник Института истории материальной культуры (ИИМК) в Санкт-Петербурге В. И. Козлов (Абдуллоев, Никоноров 2003: 388—389). Ушел, не завершив главного дела своей жизни — не вполне исследовав археологические памятники любимых им «балкано-дунайцев» и не опубликовав в виде монографии свои научные наработки о них. Он в течение 10 лет тщательно предпринимал для этого немалые усилия...

Володя родился 21 января 1952 г. в городе Северо-Задонск Московской области в семье шахтера, участника Великой Отечественной войны Ивана Петровича Козлова (1910—1975) и его жены Анны Ефимовны (1914—1988). В 1960 г., когда сын перешел во второй класс, родители переехали в Дмитровск Орловской области. Здесь Володя учился в школе № 2 и в 1969 г. получил аттестат зрелости.

Около года работал слесарем-аппаратчиком на Дмитровском пищекомбинате, а затем был призван на службу в армию (1970—1972 гг.). Демобилизовавшись, он вернулся на прежнее место работы, а год спустя стал студентом исторического факультета Воронежского государственного университета. В 1978 г., получив диплом о высшем образовании, Владимир уехал в Одессу, где к тому времени проживали мать и сестра. В 1978—1979 учебном году он преподавал историю ученикам Одесской средней школы № 64, а в сентябре 1979 г. стал младшим научным сотрудником в отделе «Северное Причерноморье в эпоху ранних славян и Киевской Руси» Одесского археологического музея. Тот год был знаменателен и в его семье — несколькими месяцами ранее Татьяна, жена начинающего ученого, родила сына Юрия.

При написании настоящей статьи я использую сведения из документов В. И. Козлова, хранящихся в ОАМ и ИИМК. Своими воспоминаниями о Володе поделились со мной одесские археологи С. Б. Охотников, А. Е. Малюкевич, Ю. А. Черниенко, а также Н. П. Тельнов из Кишинева.

Еще до официального прихода в археологию, в экспедицию к С. Б. Охотникову учителя Козлова «сосватала» Г. А. Дзис-Райко, возглавлявшая тогда музей. Директор просила присмотреться к парню. На «полевых работах» во время рекогносцировочной поездки на античное поселение Надлиманское (севернее города Белгород-Днестровский Одесской области) Владимир показал себя профессиональному археологу очень хорошо. Поэтому С. Б. Охотников без особых колебаний рекомендовал новобранца в штатные сотрудники, волею судьбы оказавшись его «крестным отцом» в археологии.

Во многих последующих экспедициях ОАМ Володя стал в чем-то незаменимым. Ради разведок археологических памятников на правобережье Днестровского лимана или на Нижнем Дунае он готов был задерживаться в поле неделями. Необыкновенно работоспособный и увлеченный, он не считался с личным временем и не рвался к городскому комфорту; казалось, что мог копать месяцы напролет. Его трудолюбие подчеркивают и официальные характеристики, подписанные одесским начальством, и все, кто видел Козлова в деле.

А. Е. Малюкевич говорит, что, заняв в Одесском археологическом музее пустовавшую научную нишу специалиста по проблемам балкано-дунайской культуры и ранних славян, В. И. Козлов «прекрасно справлялся со своим заданием». На взгляд Н. П. Тельнова, исследование темы «осложнялось и политическим “налетом”, состоящим в том, что зачастую ученые каждого из четырех государств, на территории которых была распространена балкано-дунайская культура, пытались видеть в ней этнические корни только своего народа. Такая политизация не способствовала поиску истины, а уводила от научных проблем и нередко радикально разъединяла взгляды ученых на эту культуру». Владимир Козлов понимал это и поэтому кропотливо изучал источники, строго соблюдая все этапы археологического исследования. «Значительное внимание он уделял полевым работам, в ходе которых стремился получить новый материал для ответов на интересовавшие вопросы. Его труд в данном направлении вознаграждался хорошими результатами», — пишет Н. П. Тельнов.

Козлова интересовали не только проблемы интерпретации балкано-дунайской культуры, но практически весь спектр археологической проблематики. Поэтому, по словам А. Е. Малюкевича, «он стремился, и ему удалось участвовать

в раскопках многих разноплановых (от палеолита до средневековья) экспедиций тогдашнего Советского Союза».

Однако раскопочный сезон заканчивался, а в период кабинетной работы Владимира поджидали труднопреодолимые препятствия. Ю. А. Черниенко утверждает, что он «не вписался в ряды Одесского археологического музея. Не удивительно: характер был не из удобных — очень прямой, напористый и принципиальный был человек, да и чудил иногда не по делу. А к несомненно имевшимся у него профессиональным достоинствам порой относились весьма прохладно».

Я познакомился с Володиёвым, ещё будучи студентом, как раз в 1979 г. Помню его человеком молчаливым, как бы намеренно державшимся на втором плане. Когда он заговаривал с кем-то, то практически всегда обставлял это едва ли не заговорщической таинственностью. Это была своеобразная зажатость, возможно, вызванная некоторой присущей ему внутренне подозрительностью к окружающим людям. Он казался человеком, отчужденным от интриг тёртой археологической публики Одессы. Рабочая косточка на фоне других, допустивших себя в интеллигенты. Раскрепощался только при помощи известного народного средства. И тогда уж чудил всяко-разно. В Белгород-Тирской экспедиции, например, у десятков людей с уст не сходила байка о том, что Козлов, уединяясь с приبلудившимся котом, поит того пивом и подстригает ему усы...

Между тем, собственно археологическую деятельность Володи его очевидные странности перечеркнуть не могли. Поскольку наши научные интересы отчасти пересекались, я с любопытством наблюдал за его продвижением в изучении памятников славянской археологии в этом краю. Когда он вернулся после раскопок поселения Суворово I в Придунавье, расположенного у родного мне поселка под Измаилом, то произнес в свойственной ему манере: «Благодатные у вас места...» Потом, помолчав, добавил: «И для археологии тоже». Действительно, значительными оказались открытия, сделанные тогда с его участием в составе киевской экспедиции под руководством А. Т. Смиленко. Материалы с поселений балкано-дунайской культуры и типа Лука-Райковецкая (таких, как Богатое, Сафьяны, Орловка, Шабо) позднее легли в основу ряда его статей (Смиленко, Козлов 1985: 119—136; Козлов 1988: 28—54) и диссертации.

Соглашусь с Юрием Черниенко, который утверждает, что профессиональный путь В. И. Козлова был нелегким. Его служебные неурядицы сопрягались с разладом в семье, разводом и неустойчивым состоянием здоровья. Вопреки всем невзгодам, он много работал, предпочитая тишину библиотек неуютной для него атмосфере музея. В итоге переориентировался на Ленинградское отделение Института археологии, где его приметил Вадим Михайлович Массон, обладавший всесоюзным авторитетом аристократа в археологии. Он искал и находил талантливую молодежь по всем закуткам юга огромной страны — от Средней Азии до Молдавии. Тогда же Володя познакомился с ленинградской художницей Еленой Шакиной, на которой в 1984 г. женился.

Когда в 1986 г. он покидал Одессу, музейная обстановка вокруг него стала невыносимой. Вот выдержка из характеристики на В. И. Козлова, выданной для ЛОИА за подписями, как тогда водилось, «тройки» — директора, секретаря парторганизации и председателя профкома: «Неоднократно нарушал трудовую дисциплину, были случаи антиобщественного поведения (задерживался милицией в состоянии опьянения). Характер скрытный, неуравновешенный, упря-

мый. С критикой своего поведения не соглашается, на нее не реагирует, не делает должных выводов». В первые годы горбачевского правления, когда повсеместно ускорили широкую антиалкогольную кампанию, эти оценки были равносильны приговору. Впору было отчаяться.

Однако В. М. Массон, по выражению Ю. А. Черниенко, не побоялся «приютить» Володю. Они в 1987 г. встретились в Каракумской экспедиции ЛОИА АН СССР на раскопках энеолитического телля Илгылы-депе (юг Туркмении). Юра так описал их совместную работу: «Когда на следующее утро после интересного вечернего общения с Володей я впервые в жизни ступил на среднеазиатский раскоп, я думал, что он проведет для меня хотя бы небольшую экскурсию. Но Володя сказал: “Потом, Юра. Сейчас — при косых утренних лучах — очень подходящее время “ловить” сырцовые стены”. Будучи специалистом вовсе не по среднеазиатской архитектуре, он так ловко выявлял эти стены, что сразу же “заразил” этим меня. Занятное дело — среди груд упавшего, разбитого сырцового кирпича выявлять остатки стенок, сохранившиеся *in situ*. (...) И я внимал многим Володиным советам. Да и такой доброжелательностью со стороны коллег, какую я ощущал от Володи, я тогда не был избалован. Он делился опытом борьбы за условия для плодотворной творческой деятельности. Иногда по подобному поводу говорят: “за себя”, но я никогда так не считал, ибо в итоге речь идет о пользе делу, науке. При этом Володя был убежден в том, что уважение к себе не стыдно, но, наоборот, необходимо. Он говорил, что в нашем деле нужна настойчивость, в т. ч. в отношениях с коллегами, даже тогда, когда это может показаться не совсем удобным. Недопустимо, например, чтобы из-за чьих-то препятствий не увидела свет подготовленная к публикации работа. Помню, накануне поступления в аспирантуру Володя подчеркнул, что ему уже 35 лет. Не аспирантский-де возраст, но и не повод для пессимизма!»

Действительно, судя по записям в личном деле, продержавшись целых полтора года на внештатной должности лаборанта в ЛОИА, В. И. Козлов стал в конце 1987 г. аспирантом-заочником, а на следующий год был переведен на очную форму обучения. Его жизнь стала налаживаться. В 1989 г. родился второй сын — Родион. Продолжались археологические исследования в поле, близилась к завершению работа над диссертацией по балкано-дунайской культуре. Ради этого были потрачены годы нелегкого труда.

Постепенно во взглядах В. И. Козлова возобладала точка зрения о принадлежности балкано-дунайской культуры населению Первого Болгарского царства. По мнению Н. П. Тельнова, «этому в значительной степени способствовала его дружба с Г. Ф. Чеботаренко, который ранее выдвинул эту гипотезу и в дальнейшем активно ее развивал (см. Чеботаренко 1979: 86—105). Для обоснования такого рода собственных взглядов Володе пришлось обобщить и систематизировать археологические источники, провести их хронологическое разделение, конкретизировать ареал культуры и сделать целый ряд исторически важных уточнений. Не все сразу получилось понять и тем более убедительно обосновать для восприятия другими исследователями». Николай Петрович делится воспоминаниями о том, что «на разных этапах работы и особенно при обсуждении разделов диссертации коллеги по Отделу славяно-финской археологии ЛОИА делали В. Козлову не только справедливые замечания. И такую критику он воспринимал спокойно. Уверенный в своей правоте, он без озлобления аргументировал точку зрения в очередной раз и при этом не таил обиды».

Характеристику «пролетарских» достоинств Козлова дополняет А. Е. Малюкевич: «Даже когда Владимир Иванович был начальником отряда, он не гнушался любой работы: он мог и помыть керамику, и убрать на базе, и приготовить ужин. Как человек это был настоящий мужик, настоящий друг, настоящий товарищ, безотказный и готовый прийти на помощь в трудную минуту. Он был и экспансивный, и очень добрый, всегда боролся за справедливость, особенно когда это касалось других. В конфликтных ситуациях всегда выступал в защиту друзей и коллег, заведомо понимая, что данная поддержка может повредить и лично ему». Этим отзывам вторит Н. П. Тельнов: «Володя всегда принимал участие в оказании помощи людям. В первую очередь это относилось к тем, кто в последние годы существования Советского Союза находился в Ленинграде на стажировке или в аспирантуре».

Вскоре после окончания аспирантуры Владимира с 1 марта 1991 г. приняли младшим научным сотрудником в сектор Средней Азии и Кавказа. Он готовился к защите уже завершённой диссертации, когда расшатанный перестройкой до оснований СССР рухнул... Очередные испытания, выпавшие на долю бывших советских народов, не остановили В. Козлова, стремившегося к продолжению археологических исследований.

Защитив диссертацию, уже в 1993 г. он вел раскопки под Измаилом. «Тяжелый был сезон. Гиперинфляция зашкаливала (60% в месяц). Вообще не было уверенности в том, что археология в Украине выживет. Но было понимание необходимости копать, используя, быть может, последнюю, как тогда порой казалось, возможность. И копали: Володя — балкано-дунайцев в Сафьянах, я — белозерцев в Струмке», — вспоминает Ю. А. Черниенко.

Поскольку в Питере не было ученых, занимавшихся близкой ему тематикой, Владимир не уставал поддерживать связи с коллегами из Украины и Молдавии, искать контакты в других странах: Болгарии, Венгрии, бывшей Югославии и Германии. О том, как он регулярно приезжал в Одессу, рассказывает Александр Малюкевич: «Мы бывали с ним во многих экспедициях в Буджакских степях. В то время Украина уже не выдавала открытые листы на право проведения археологических исследований специалистам из других стран, а Володя хотел продолжать полевые изыскания. Леонид Васильевич Субботин и я неоднократно брали на себя открытые листы, чтобы наш друг мог проводить раскопки любимых им балкано-дунайцев. Иногда он проводил раскопки самостоятельно, иногда мы работали вместе, так как “официально” начальником экспедиции числился я, но основную массу полевых работ и всю полевую документацию, естественно, выполнял Владимир Иванович».

В апреле 1995 г. с ним познакомился впервые побывавший в ИИМКе Валерий Йотов. Как специалист по средневековой археологии балкано-дунайского региона, он был заинтригован разговором с В. И. Козловым, который показал рукопись своей диссертационной работы. Как рассказывает В. Йотов, «времени для более детального знакомства с текстом не было, но несколько таблиц с рисунками керамических сосудов, в основном с поселения Богатое, произвели на меня впечатление, поскольку по своим формам и декору находили подобия на памятниках Добруджи». Поскольку было понятно — необходимо скорее познакомить болгарских археологов с результатами этих научных поисков, В. И. Козлов сразу получил приглашение на международный научный форум «Черноморские цивилизации — проблемы на хронологията» (Балчик, сентябрь 1995 г.). Благодаря этому вышла статья Владимира, посвященная интереснейшим материалам памятника Богатое I (Козлов

1997—1999: 98—130). В ноябре того же года на очередной конференции «Болгары в Северном Причерноморье», организованной Великотырновским университетом, он представил доклад о хронологии исследованных им памятников. Позднее его текст опубликовали в одноименном сборнике (Козлов 1996: 109—125).

Продолжая занятия археологией и историей южных и восточных славян, В.И. Козлов расширял круг своих научных интересов: вникал в восточнороманскую проблематику, работал с материалами по археологии кочевых племен. С его достижениями стали считаться зарубежные специалисты, о чем свидетельствуют публикации в Венгрии и Германии. В 1997—1998 гг. на территории Черногории и Сербии он участвовал в раскопках средневековых объектов, в том числе христианских культовых комплексов. «Владимир Иванович с очень большим уважением и теплотой относился к свободолюбивому сербскому народу и его истории и мечтал о продолжении своих работ в Югославии, прерванных обострением военнополитической обстановки на Балканах» (Абдуллоев, Никоноров 2003: 389).

Володя был необычайно мобильным человеком и готов был отправиться в самые отдаленные районы, куда его вела любовь к археологии, — от Старой Ладogi до Бактрии, от острова Превалка в Которском заливе у черногорского побережья до Кубани. Поэтому для его полевых исследований в Одесской области не являлась препятствием возникшая после распада Советского Союза государственная граница между Украиной и Россией. Еще в 1987 г. он признавался Юре Черниенко: «Для меня Париж и Лондон, Ленинград и Одесса — почти одно и то же».

Чтобы всестороннее осмыслить свою тему, он стремился побывать на раскопках других исследователей. Вместе с Аликом Малюкевичем Володя принимал участие в работах экспедиций Института археологии Украины под руководством Н. М. Кравченко и Д. Н. Козака, которые исследовали славянские памятники в низовьях Дуная.

А. Е. Малюкевич с теплотой и грустью говорит о том времени: «Я не только работал и дружил с Володей, но оказался и соавтором статьи о поселении Сафьяны, которое мы вместе раскапывали под Измаилом. А лично мне он, как профессиональный раскопщик, во многом помог в исследовании святилища римского времени Молога II. Он всегда был динамичным и энергичным, всегда к чему-то стремился, не стоял на месте ни в жизни, ни в науке. Не все понимали, или воспринимали его однозначно, так как у него всегда была уйма идей, проектов, иногда и прожектов».

Во время встреч В. Козлов делился мыслями не только о своих научных поисках. В. Йотов заметил, что в 90-е гг. минувшего века он «был увлечен (в смысле подхвачен) событиями напряженных для российской общественности времен... Сложилось впечатление, что личные проблемы Владимира, а отчасти и непонимание, которое встречала среди коллег из северного города исследуемая им тематика, помешали его дальнейшему развитию и занятиям в археологии».

Я видел Володю в ИИМКи в 1999 г. на чествовании 70-летнего юбилея В. М. Массона. Мне показалось, что в таком высокопрофессиональном сообществе он чувствовал себя одиноко. Разговорился было только в ходе застолья — сначала о продолжении исследований памятников его балкано-дунайской культуры. Сокрушался, что средств на такие работы институт не выделяет. Между тостами мелькала и тема несправедливости мироустройства, нестерпимой для народа. Однако общий настрой торжества вовсе не способствовал заводимой им социально заостренной проблематике. В. Козлов остался неудовлетворенным наметившейся беседой.

«В последние годы даже стал несколько религиозен. Приезжая в Одессу, он постоянно посещал храмы, встречался со священниками. Во времена 90-х всегда привозил из Петербурга Библии, Новые Заветы и т.п. книги, раздавая в храмы, друзьям и знакомым. Ему нравилась военная история Российской империи. У него даже были специально подобранные сборники военных песен дореволюционной России» — рассказывал А. Е. Малюкевич. Говорили, что в своем правдоискательстве он едва не примкнул к баркашовцам. Часть питерских сослуживцев стала даже его сторониться.

Помимо работы в институте, В. И. Козлов преподавал и вел кружки археологии в школах, лицеях и гимназиях. И главное: правдами-неправдами он умудрялся ездить, как прежде, в Дунайско-Днестровские степи. Пробовал возить на юг школьников, родители которых могли частично оплачивать и роскошные расходы; находил других спонсоров. Здесь, в поле, на скудные средства он вел раскопки, обретал новые силы, находил отдохновение и подтверждение смысла своей жизни.

По свидетельству А. Е. Малюкевича, «в последние месяцы жизни он собрал и привез в Одесскую область группу детей. Они первоначально были в Роксоланской экспедиции, а затем у меня в Моложской. Школьники были из различных социальных групп, плюс переходной возраст, и мне не всегда удавалось найти с ними общий язык. А Володя всегда умел разобраться и в их межличностных отношениях, и доказать необходимость ранних подъемов и результативной работы на раскопе. Он привлекал их к камеральной обработке материалов и на реальных артефактах стремился закрепить ранее полученные знания об археологических культурах».

Домики у Днестровского лимана, где в селе Молога под Белгород-Днестровским создал «частную археологическую базу» Алик Малюкевич, стал ему родным. Летом здесь было все, без чего не мог жить Володя: раскоп, рыбалка, вино, запах ковыля, яркие южные звезды и понимающие его люди. По замечанию начальника базы, «он был совершенно безразличен к роскоши и даже аскетичен, чем выделялся даже среди привыкших к суровому быту полевицков». Порой можно было подумать, что он следует древним путем мудрецов: «С житейскими заботами следует бороться, не распуская эти заботы, а удаляясь от них» (Пьер Абеляр 1959: 28).

Таков был этот человек, навсегда оставшийся в памяти интересным и своеобразным, ищущим и импозантным. С чьей-то точки зрения он мог казаться личностью не совсем нормальной... Но задайтесь вопросом: много ли теперь осталось нормальных, которые бы стремились стать учеными-гуманитариями вне кабинетных стен, оставаясь при этом приличными людьми?

О последнем годе его жизни вспоминает Ю. А. Черниенко: «Какими только путями не шел Володя к продолжению раскопок в Сафьянах! Но, увы, так и не дошел... К сожалению, далеко не у одной незаурядной личности жизнь была прервана подонками». «В последний раз мы виделись с ним за две недели до его трагической гибели. Он тогда оставил свой отряд питерских школьников у меня в Моложской экспедиции и сказал, что на недельку съездит в Петербург по финансовым делам и вернется. И узнали мы о его кончине здесь, в селе Молога...», — заканчивает свое повествование А. Е. Малюкевич.

Владимиру Ивановичу Козлову не было и 50 лет, когда смерть прервала главное дело его жизни — изучение балкано-дунайской культуры.

Светлая ему память.

* * *

Он не успел доделать многое. Не увидел изданной свою книгу... Обыкновенная человеческая трагедия. Чаще всего в этом случае объяснение банально: не судьба... Впрочем, издревле известно, что так же, как люди, «книги имеют свою судьбу».

Надеюсь, публикуемая теперь монография способна оживить дело и имя В. И. Козлова, сделает их важными для действующих археологов многих стран, во всяком случае, на пространстве от Дуная до Волги. Поскольку я тоже вхожу в круг заинтересованных лиц, хочу напомнить коллегам уже процитированный латинский афоризм в полном виде: *Pro captu lectoris habent sua fata libelli*.

Проще говоря, дорогие читатели, отныне судьба лежащей перед вами книги зависит от вас.

Н. Д. Руссев.
Кишинев. 2015 г. День Победы.

Литература

- Абдуллоев Д., Никоноров В. П. 2003. Памяти Владимира Ивановича Козлова (21.01.1952—21.09.2001). *Археологические вести* 10, 388—389.
- Абеляр Пьер. 1959. *История моих бедствий*. Москва: АН СССР.
- Козлов В. И. 1988. Гончарная керамика поселений балкано-дунайской культуры VIII—XI вв. в приморской части Днестровско-Дунайского междуречья. В: Бырня П. П. (отв. ред.). *Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца, 28—54.
- Козлов В. И. 1996. Към въпроса за хронологията на паметниците от североизточната провинция на Първото българско царство. *Българите в Северното Причерноморие* 5. Велико Търново, 109—125.
- Козлов В. И. 1997—1999. Богатое I — поселение Первого Болгарского царства на левобережье Дуная. *Добруджа* 14—16, 98—130.
- Смиленко А. Т., Козлов В. И. 1985. Славянское поселение конца I тысячелетия н. э. у с. Шабо на Днестровском лимане. В: Параска П. Ф., Нудельман А. А. (ред.). *Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье*. Кишинев, 119—136.
- Чеботаренко Г. Ф. 1979. К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Прутско-Днестровского междуречья. В: Королук В. Д. (отв. ред.). *Этническая история восточных романцев. Древность и средние века*. Москва: Наука, 86—105.